

Александр Серафимович

Красная Армия

**Серафимович Александр
Красная Армия**

Александр Серафимович СЕРАФИМОВИЧ КРАСНАЯ АРМИЯ

Рассказ

Конечно, обман, густо обволакивающий польский трудящийся народ, польского солдата, в конце концов рассеется, но ведь пока медленно рассеется этот туман, Советская республика может задохнуться.

Кто же ускорит это рассеяние? Кто разобьет эти цепи?

Красная Армия.

Что же такое Красная Армия?

Я был поражен разницей того, что я увидел теперь в армии, с тем, что наблюдал в позапрошлом году на Восточном фронте. Иные лица, иные глаза, иной ход мысли. Надо было оторваться от Красной Армии на полтора года, чтобы так ярко почувствовать эту перемену.

Какая же колоссальная работа произведена за этот промежуток! И это при страшной разрухе, при недостатке бумаги, при губительном недостатке людей. Очевидно, не прямая только агитационная работа - ее, несомненно, недостаточно было, - а вся обстановка жизни

В Советской России, самый воздух, которым в ней приходится дышать, делает людей такими, а не иными.

В массе нынешние красноармейцы отчетливо понимают, что у них сзади, за что они бьются, кто их враг, чего он хочет. Даже деревня, с ее упрямством, медленностью, узеньким кругом интересов только своей избы, даже она в армии быстро выравнивается по остальным.

Это, конечно, не значит, что красноармейцы ведут чистые, благородные, интеллигентские разговоры об империализме, о классовой эксплуататорской природе польских панов и прочем. Нет. Иногда по целым дням не услышишь слово "пан", или "Советская власть", или "польский рабочий", "крестьянин", но среди обыденных разговоров об амуниции, приварке, потертых ногах, о молоке, добытом в деревне, какое-нибудь оброненное слово о польском пане, смех, замечание или крепкая неудобосказуемая характеристика вдруг осветит красноармейскую душу до дна. Инстинкт вражды к барину уже шагает через национальные перегородки. И польский пан

такой же лютый враг, как и русский барин.

Смотры и парады с незапамятных времен носили всегда лицевой характер; изнанки там не увидишь. В значительной степени такой характер они носят и теперь, - это неизбежно, да, пожалуй, и законно. Но прежде видел однообразные каменные лица солдат, у которых все глубоко запрятано, а снаружи лишь одно - дружно пройти, гаркнуть и заслужить генеральское "Молодцы, ребята!".

И вот я видел теперь. Широкое-широкое поле. По краям голубеют леса. Походным порядком идет отряд за отрядом, часть за частью. Кого тут только нет: и пехота щетинится темными штыками, и артиллерия тяжело громыхает, и кавалеристы, и разведчики, и пулеметные роты.

Неожиданно приехал представитель центральной власти. Войска развернулись длинными шеренгами, стройно, уверенно прошли и построились покоем. Внимательно слушали краткий, чрезвычайно сжатый отчет о деятельности центральной власти. Полякам предлагали мир; шли на самые громадные уступки, быть может, переходившие даже

границы, лишь бы избежать кровопролития. Польские помещики ответили наступлением, взятием Киева. Теперь надо биться, биться всюду. Но надо помнить - польский рабочий и крестьянин - не враг, а друг наш.

И какое грянуло "ура" польскому рабочему и крестьянину!

Да, так не говорили царские генералы, и оттого лица у царских солдат были каменные.

И я всматриваюсь в эти лица и неупускающие глаза со своей мыслью, со своей остротой. Сотни лет вбивали царя в голову народа, а вот в этих Советская власть внедрилась в два года, и уж не отдерешь. Да, это армия победы.

Да ведь все это, скажут, субъективно: одному кажутся лица сознательными, бодрыми, другому - не очень. Наконец, если даже и сознательные лица и глаза, да ведь неизвестно, как в деле-то будут эти сознательные воины?

Правильно.

Встретил под Киевом высокого, с желтым, осунувшимся, в щетине, лицом, человека. Одет в потертый подпоясанный пиджачок,

глаза ушли вглубь, лихорадочно блестят, и он жадно, не отрываясь, курит махорку.

Я обрадованно узнал знакомого начдива. Этот лихорадочный блеск глаз, осунувшееся лицо, небрежность в одежде, жадность, с которой он затягивался, говорили о страшном нервном напряжении, нечеловеческой работе, без перерыва, целыми месяцами.

Он рассказывает:

- Ведь вот и побурчишь на красноармейцев и иной раз с упреками к ним, а как попадешь в переделку, в самую крутую, тут вдруг во все глаза увидишь, какая это изумительная армия, железные люди. При отступлении от Бердичева одна из наших дивизий совершенно была окружена неприятелем в огромно превосходных силах. Железное кольцо сомкнулось. Положение было совершенно безвыходное. Дивизия была зажата в круге диаметром в семь-восемь верст. На этом сдавленном пространстве паны без перерыва со всех сторон палили по дивизии из орудий, пулеметов, винтовок. Все засыпалось снарядами; в дыму, закопченные, в изорванной, обожженной одежде, отбивались красные воины. Ма-

ло этого. Поперек пути, куда надо было пробиваться, тянулись тройные окопы, старые царские окопы, сооруженные еще на случай наступления немцев на Киев. Эти окопы паны подновили и засели. Пришлось нам пробиваться сквозь тройную линию, брать укрепленные позиции. Дивизия дралась отчаянно, выбила панов из окопов... Познанцы шли стеной, добыча, казалось, была в их руках. На дивизию кинули кавалерию. Кавалерию не только отбили, но ухитрились отрезать и окружить эскадрон и истребили подавляющую силу врага.

Да, познанцы ходили в атаку густыми сомкнутыми колоннами, ходили в упоении первых побед, чувствуя свое огромное численное превосходство, обнадеженные своим начальством, что Красная Армия разложилась, что от нее остались только банды. Но самое главное - все были уверены - один громовой удар, взятие Киева, и война кончена. Оттого поляки так бешено рвались.

В совершенно другом положении была Красная Армия. Подавляемые громадным перевесом сил, захваченные вероломством

польских панов врасплох, без подкреплений, без ближайших надежд на них, красные воины дрались по-львиному. И смутная тревога закралась в черную душу панов. Кто сказал: это - Верден?

Вы видите теперь: то, что написано на лицах наших боевых товарищей, то есть и на деле.

Два процесса параллельно нарастают.

Паны все больше и больше обжигаются, и скоро познанцы перестанут ходить в атаку сомкнутыми колоннами, если уже не перестали.

Красные воины крепнут числом и духом, ибо им недоставало только числа.

У польских рабочих и крестьян в американских мундирах все больше и больше открываются глаза на Советскую Россию, на своих братьев - рабочих и крестьян российских, и клонятся долу и замирают в руках французские штыки.

У красных воинов твердо подымается в руках винтовка на польского пана.

И польские паны, и познанцы, и легионеры идут все время под гору. Красные воины

все время поднимаются в гору.

И тем не менее ни на секунду нельзя ослаблять страшного напряжения: надо не только победить, надо победить в кратчайший срок.

А мы все, кто остается в тылу, ни на секунду не должны забывать о наших боевых товарищах - ведь головы кладут.

Мало кричать: "Да здравствует Красная Армия!" - и со слезами принимать резолюции, надо на деле любовно помочь и облегчить участь наших братьев.

1920